

Весна в январе

Сначала я считал брошенные немцами машины, потом запытался. Их были сотни. Нагло и жалко глядели на восток морды пушек. Как пойманные слоны, послушно плелись немецкие танки. Я вспомнил слова берлинской сводки: «Мы добровольно укоротили фронт...» Чудаки, они укорачивают костюм вместе с мясом. «Укорачивают» и мимоходом теряют танки.

Наше наступление с каждым днем крепчает. Об этом говорят немецкие могилы. Вначале видишь индивидуальные кресты с тщательно нарисованной свастикой, с затейливыми надписями. Этих хоронили еще на досуге. Их зарывали на площадях городов, в скверах, в деревнях возле школы или больницы. Немцы хотели, чтобы даже их мертвые тревожили сон наших детей. Мы проехали двадцать—тридцать километров. Пошли простые березовые кресты. Этих хоронили второпях и оптом: «Здесь погребено 18 немецких солдат», «Здесь погребен лейтенант Эрих Шредер и 11 солдат». За Малоярославцем нет и востов. Этих не похоронили. Они валяются возле дороги. Из-под снега торчит то рука, то голова. Замерзший немец стоит у березы, рука поднята — кажется, что мертвый, он еще хочет кого-то убить. А рядом лежит другой, заслонил рукой лицо. Не сосчитать.

На березовом кресте рука русского написала: «Шли в Москву, попали в могилу».

Дух наступления, как ветер, несет вперед наши части. Бойцы идут по целине, а снега-то, снега!.. Ничто их не останавливает. Позавчера была метель, снег слепил. Наступали. Вчера было солнце и тридцать градусов мороза, дух захватывало. Наступали.

Я разговорился с одним бойцом. Он чуть прихрамывал. Оказалось, что три дня тому назад осколок мины его ранил в колено. Хотели отослать в госпиталь, боец запротестовал: «Не пойду! С июня я отходил. А теперь, чтобы без меня?..» Мороз его веселил. Он только находил, что мо-

роз «легонький» — «покрепчал бы, как у нас» — это сибиряк.

Генерал-майор Голубев сказал мне: «Немцы наступали отсюда, дошли до Нары. Что же, мы прошли тот же путь в два раза скорее, чем они. Мы наступаем, а потерь у них куда больше, чем у нас».

Переменилась наша армия. Выросла не только материальная часть, выросли и люди. Бойцы возмужали, будто они прожили за полгода длинную жизнь. Но глаза остались молодыми: в них молодой гнев и молодая надежда. Обогатился опыт каждого. Боец, колхозник из Заволжья, говорит: «Я теперь это дело раскусил — как фринов бить». И смеется генерал Голубев: «Я два военных академии прошел. Война — третья и самая главная»...

Немцы упорно обороняют узлы сопротивления. Они хотят измотать нас. Но мы не расширяем голову об стену: мы обходим узлы сопротивления. Немцы много месяцев говорили о мешках, обхватах, клинках, клещах. Теперь они барахтаются в нашем мешке, они задыхаются в наших обхватах, они корчатся, пронзенные нашими клинками, и они умирают, сдавленные нашими клещами.

В яркий ослепительный день января, на дороге наступления я думаю о пионерах победы. Победу мы начали строить не 6 декабря, но 22 июня. Победу строили герои, не пропускавшие немцев, истреблявшие еще свежие германские дивизии, взрывавшие мосты, выходившие из вражеского окружения, пережившие горечь отступления, позволившие нашей стране выковать новое оружие и поднять на ноги новые части.

Мощной стала Красная Армия. Весь день гудит небо: это наши самолеты. Все припасено — от тяжелых танков до легких белых саночек. На фронте чувствуешь, какой любовью окружена Красная Армия, — для нее работает и дышит огромная страна. Если много стало у нас автоматов, это значит, что ночей не спят рабочие Урала. Если ест боец жирные ши, это значит сибирские колхозницы помнят

о фронте. «Мало у нас было минометов, теперь хорошо»... Откуда эти минометы? Завод, что в ста километрах отсюда, давно эвакуировали. Но остались старики-пенсионеры, остались устаревшие станки, осталось немного сырья. Остальное сделали русская смекалка и русская преданность. Хорошие минометы. Хорошо они бьют немчуру. Старые рабочие маленького русского городка могут спокойно спать. А варезки чудесные у курносого, веселого минометчика. Варезки связала какая-то Маша в городе Аткарске, прислала к празднику. Фамилии своей не написала — «Маша» и все. Может теперь спокойно спать русская девушка Маша.

Ведут пленных. Лейтенант, ефрейтор, солдаты. Дрожат, хнычут. У одного обувь замечательная: левая нога в кожаном башмаке, правая в арзап-валенке. Оказывается, правую ногу он отморозил. Ефрейтор мне поясняет: «Легко отмороженные в госпитали не отсылаются». Да и не отошлешь — у половины немецких солдат ноги отморожены. На головах пилотки. Летом они их послали лихарски. Теперь стараются засунуть под пилотку уши. Из носу течет, он не выпирает лицо — рука замерзла. А когда привели в избу, все стали чесаться. Лейтенант пах одеколоном, вылил наверно на себя утром целую бутылочку. Он приподнял вязанку, чтобы сподручней было чесаться, и один из наших бойцов крикнул: «Ты погляди — не вошь — мелведь! Никогда я такой не видел»... Глядят на пленных бойцы с отвращением: «Эх, немчура»... «Вшивые фрицы»... Другой подхватил: «Ганс сопливый»... «Паразиты»...

Ефрейтор был во Франции. Он вступил с переловыми немецкими частями в преданный Париж. Смешно подумать — может быть я его видел в Париже? Изменился голубчик! Спесь с них наши побивали.

Вчера из лесу вышли четыре немца: волком выгнал мороз. От деревни осталась одна изба — другие немцы сожгли. Немцы поскреблись в дверь. Старая колхозница сплюнула: «Кто жет? Ты. Немен. Или на мороз, грейся»...

Дощечка осталась: «Село Покровское». А села нет. Село сожгли немцы. Что видишь по дороге на запад? От изб остались трубы, да скворешники на деревьях. От-

ступая, немцы посылали особые отряды «факельщиков» — жгли города и деревни.

Когда не успевали сжечь все, жгли самое хорошее. Жгли со вкусом. В Малоярославле эти культуртрегеры показали себя во-всю: сожгли две школы—десятилетки, детские ясли, больницу и городскую библиотеку с книгами.

Вот их трупы. А рядом бутылки изпод французского шампанского, норвежские консервы, болгарские папирасы. Страшно подумать, что эти жалкие люди — господа сегодняшней Европы... Часть «господ», впрочем, уже не будет пить шампанского: лежит в промерзшей земле.

Хорошо, когда их застает врасплох. В селе Белоусово остался нетронутым ужин. Бутылки они откупорили, а пригубить не успели. В селе Балабаново штабные офицеры спали. Выбежали в подпитанниках — и торжественно в шелковых французских кальсонах потапли от русского штыка.

Женщины, когда видят наших, плачут. Это — следы радости, оттепель после страшной зимы. Два или три месяца они молчали. Сухими жесткими глазами глядели на немецких палачей. Боялись перекинуться коротким словом, жалобой, вадомом. И вот отошло, прорвалось. И кажется, в этот студеный день, что и впрямь на дворе весна, весна русского народа посередине русской зимы.

Страшны рассказы крестьян о черных неделях немецкого ига. Страшны не только зверства — страшен облик немца. «Показывает мне, что окурок в пачку кидает, и задается: «Культур. Культур». А он, простите, при мне при женщине в избе оправлялся. Холодно, вот и не выходит»... «Грязные они. Ноги вымыл, утерся, а потом морду — тем же полотенцем»... «Один ест, а другой сидит за столом и вшей бьет. Глядеть противно»... «Он свое грязное белье в ведро положит. Я ему говорю — ведро чистое, а он смеется. Опоганили они нас»... «Все укорали, паразиты! Детские вещи взяли. Даже трубу самоварную и ту унесли»... «Хвастали, что у них страна богатая. Нашел у моей сестры катушку ниток, а у меня кусок мыла. Мыло не душистое, простое. Все равно, обрадовался, посылку сделал — домой подарок мыла да нитки»... «Говорят мне: стирай наше белье,

а мыла не дают, похазывают — стирай кулаками»... «Не дашь ему сразу — ружье приставляет»...

«Опоганили нас» — хорошие слова. В них все возмущение нашего народа перед грязью не только телесной, но и душевной этих гансов и фрицев. Они слыли культурными. Теперь все увидели, что такое их «культура» — похабные открытки и пьянки. Они слыли чисто-плотными — теперь все увидели вшивых паршивцев, с чесоткой, которые устраивали в чистой избе нужник. Прежде мир не знал, что такое гитлеровская Германия. Глухой стеной была окружена проклятая страна. На выставке за границу они послали напомаженных и вежливых приказчиков. Ездил по столицам Европы гладышский Риббентроп. А теперь стена упала: в деревнях и городах России, освобожденных Красной Армией, можно изучать «культуру» и «чистоплотность» Германии.

Когда их выгоняют, в уцелевших избах три дня моют пол кипятком, скребут, чистят. «Что дверь раскрыла, бабушка?», — спросил я. Старуха ответила: «Ихний дух выветриваю. Прокоптили дом, проваляли проты»...

Крестьянка с хорошим русским лицом, с лицом Марфы-посадницы рассказала мне: «Боялись они итти на фронт. Один плакал. Говорит мне: «Матка, помолись за меня» и на икону кашет. Я и вправду помолилась: «Чтобы тебя окажливого убил»».

Добрый был русский народ. Это всякий знает. Умел он жалеть, умел снисходить. Немцы совершили чудо: выжгли они из русского сердца жалость, родили смертную ненависть. Старики и те хотят одного: «Всех их перебить». Некоторые из них три месяца тому назад еще были слепыми и глухими. Один встретил наших с куренком, кланяется, говорит: «Дураков вы принимаете? Дурак я. Шли немцы, а я думал — мне что? А они внучку мою угнали. Так и не знаю, где она. Борову зарезали. С меня валенки сняли, видишь, в чем хожу. Курицу одну я от них упрятал. Как услышал, что уходят — затопил печь, старуха для вас зажарила. Спасибо, что пришли»... Стоит и плачет. А в душе у этого семидесятилетнего деду — та же ненависть, что у всех нас.

Дом старика не сожгли — не успели.

Много домов спасли красноармейцы от огня. За Малоярославцем наши наступали быстро, и немцы, откатываясь, не успевали выполнять приказ — все уничтожать. В одном селе «факельщики» уже выгнали всех из домов, а тут услышали пулеметную очередь и убежали. Деревня ушелела. В другом селе подошли один дом, потом показались наши лыжники — немцы удрали. А пожар наши погасили. Не только дома спасли бойцы — жизни. Я видел приговоренных к расстрелу — их не успели расстрелять. Тащили девушку с собой — испугались, бросили. Каждый красноармеец может написать своим: «Я спас от огня русский дом. В этом доме теперь живут русские. Будут там расти дети. Вспомнят и про нас. Я спас от веревки русского человека. Его вели к виселице. Но мы подоспели». Не только родину спасает боец, он спасает еще такое-то село — Лукьяновку, или Петровское, или Выселки. Он спасает такого-то человека — пастуха Федю, лесничего Кривцова, учительницу Марию Владимировну. И каждого бойца благословляют теперь в освобожденных домах спасенные люди.

По скрипучему снегу едут в санях крестьяне, торопятся — скорей бы поглядеть свой дом. Еще недавно они шли на восток суровые и скорбные. Теперь, улыбаясь и жмурясь от яркого, залитого солнцем снега, они идут на запад.

Скорее их идут бойцы. Эти тоже торопятся: выбить врага из города. Этот город рядом. Его обшили. Его сжали. Завтра заплачут от радости люди и камни еще одного освобожденного города.

Пусть в Малоярославле люди радуются — сегодня снова начала работать электростанция, и в домах светло. Пусть в Боровске вставляют в рамы стекла — люди наконец-то отогреться. Пусть в Ильинском колхозники выветривают и чистят загаженные немцами дома. Все это позади. Красная Армия идет вперед, и она смотрит вперед. Она думает не о Малоярославце, не о Боровске. Она думает о Вязме, о Смоленске. Перед ней люди, которых нужно спасти от смерти, — русские люди. И по пояс в снегу, не зная усталости, идут вперед любимцы России — бойцы Красной Армии.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.